

18. Baudrillard J. Ecstasy of Communication // The Anti-Aesthetic. Essays on Postmodern Culture / Ed. H. Foster. Port Townsend: Bay Press, 1983. – P. 126–133.
19. Halcyon K. How we became posthuman: Virtual bodies in cybernetics / The University of Chicago Press. – Chicago and London, 1999.
20. Heylighen, F. Bollen J. & J. Bollen. The world-wide web as a super-brain: from metaphor to model // Cybernetics and Systems '96. R. Trappl (Ed.). Austrian society for cybernetic press. – 1996. – P. 917–922.
21. Heylighen F. The Global Superorganism: an evolutionary-cybernetic model of the Emerging Network Society // Social Evolution and History, volume 6, number 1. – 2007. – P. 57–120.

УДК 141

О.Д. Наумов

ГЕНЕЗИС ФИЛОСОФИИ В КОНТЕКСТЕ ДЕЛЕЗИАНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «ОЩУЩЕНИЯ»

В статье анализируется постметафизический концепт «ощущения» в качестве первичной дорефлексивной онтической основы классического вопрошания о бытии – онтологии.

Ключевые слова: бытие, онтология, ощущение, философия, генезис философии, Делёз.

O.D. Naumov

GENESIS OF PHILOSOPHY IN THE CONTEXT OF THE CONCEPT DELEUZE'S "FEEL"

The article analyzes the post-metaphysical concept of "feeling" as a primary pre-reflexive ontic foundations of classical questioning about being – ontology.

Key words: being, ontology, feeling, philosophy, genesis of philosophy, Deleuze.

Основная задача исследований заключается в генеалогической реконструкции основных форм репрезентации бытия, предшествующих постметафизической традиции философствования и возникающих на пересечении концептов «бытие» и «субъект». Однако решение этой за-

дачи посредством избранного метода – генеалогического – сталкивается с известной сложностью в необходимости определить точку отсчета. Дело в том, что попытка конкретизации границ генезиса философии является самостоятельной задачей, требующей своего решения.

Отечественный исследователь А.В. Семушкин, столкнувшийся с указанной проблемой в ходе реконструкции процесса становления западноевропейской философской рациональности, отмечает, что «историографические» попытки решить эту проблему неизбежно уведут исследователя в своего рода «дурную бесконечность», поскольку всякая попытка подойти к началу философии не дает ничего определенного: зарождающаяся философия своими корнями упирается в предпосылки, без которых ее возникновение немыслимо. В свою очередь эти предпосылки вытекают из других, еще более древних предпосылок, без которых первые невозможны, и т.д. [12, с. 52]. В связи с этим исследователи, представляющие, как правило, мифогенную концепцию генезиса философии, отсылают к «множеству» начал философии. Возможно, что такое многообразие «точек отсчета» обусловлено возможностью множества интерпретаций «девиза» мифогенной концепции генезиса философии – известной формулы «от мифа к логосу», предложенной немецкими философами И. Дерфером и В. Нестле. К примеру, Э. Тэйлор обнаруживает окончательно оформившуюся философию уже в первобытном анимизме, а Ф. Корнфорд и Дж. Харрисон – в тотемизме [12, с. 52]. Немецкий философ Г. Кирк первым философом-досократиком называет Гесиода [1, с. 72], а В. Шадевальдт в работе «Начала философии у греков», так же, как и отечественное антиковедение, связывает начало философии с творчеством Гомера [6, с. 63]. Своеобразным компромиссом в этом многообразии мнений выглядит попытка взять в качестве точки отсчета Фалеса, однако А.В. Семушкин в связи с этим замечает, что «при всем желании не удастся вместить начало философии ни в его учение, ни в учение милетской школы» [12, с. 52].

Возможность прояснения сложившейся ситуации А.В. Семушкин видит в сравнительном анализе мифопоэтического и философского мышлений, имеющих, на его взгляд, как минимум, одно концептуальное сходство – антиномическое видение реальности [12, с. 53]. На наш взгляд, и в этом мы согласны с А.Н. Чанышевым [15, с. 175], решить проблему начала философии можно лишь путем определения предмета философии вообще. Иначе говоря, для того, чтобы ответить на вопрос о том, когда началась философия, нужно для начала определить, что такое философия.

Стоит отметить, что в современных условиях, когда, с одной стороны, мы можем сказать о том, что наши знания о природе и структуре философии безмерно возросли, а с другой – сам факт пребывания современной философии в ситуации возможной самоутраты позволяет сказать, что вопрос о том, что такое философия в своем самопознава-

тельном механизме остается открытым и может быть проблематически более заостренным, чем когда бы то ни было прежде [11, с. 56]. Конечно, существует бесконечное множество определений философии в качестве специфической области человеческого знания, но вряд ли среди них можно обнаружить нечто универсальное, поскольку подобного рода знание неизбежно оказывается ангажированным как со стороны современной ему культуры, так и общества. Более того, сама постановка данного вопроса, по мнению Ж. Делёза, – это свидетельство своеобразного беспокойства, вызванного осознанием собственной беспомощности. Будто бы больше спрашивать уже не о чем [5, с. 5]. Хотя, с другой стороны, возможно вопрос философии о самой себе – верный признак того, что она не «утрачивает» себя, а пребывает в состоянии поиска и испытания своего пути.

Мы полагаем, что в свете вышесказанного, наиболее «близким к истине» оказывается мнение «современного софиста» Ж.-Ф. Лиотара, понимавшего под философией дискурс, пребывающий в поиске своих собственных правил [8]. Однако это определение указывает, скорее, на природу философского знания, нежели на стоящие перед ним задачи.

В настоящее время среди современных философов – представителей постметафизической традиции философствования – достаточно распространена точка зрения, согласно которой основным вопросом философии является вопрос о бытии. В этом смысле философское вопрошание, как минимум, от Парменида до Хайдеггера – это вопрошание о бытии, а история философии, таким образом, – история открывающего себя вопрошающему субъекту бытия, поскольку бытие – это *голос*, причем *голос единственный* «за тысячеголосое множество, один единственный Океан за все капли, единый глас Бытия за всех сущих» [3, с. 363]. Ретроспективный взгляд на историю вопрошания о бытии, или историю его самораскрытия перед вопрошающим о нем субъекте, позволяет выделить как минимум три последовательно сменяющих друг друга представления о бытии, сложившихся в истории западноевропейской философии: 1) бытие – есть то, что существует вне сознания человека; 2) бытие – это то, что существует благодаря взаимосвязи его элементов друг с другом; 3) бытие есть атрибут человеческого существования.

Несмотря на все различия указанных позиций, их объединяет то, что концепт бытия всегда фигурирует в связи с концептом субъекта – человека – специфического рода сущего, обладающего языком, обеспечивающим ему возможность вопрошания, адресованного бытию о нем самом, точнее о его смысле. Об этом говорил в своих лекциях, посвященных античной философии, М.К. Мамардашвили, отмечая два принципиально важных момента: во-первых, понимать можно только бытие [9, с. 30]; во-вторых, только там, где есть бытие, можно что-то осмысленно высказывать [9, с. 38]. Именно это обстоятельство, считает отечественный исследователь В.Л. Круглов, позволяет нам ввести философе-

му «человека как центра», актуализировав ее в качестве «неявного» основания вопроса о бытии, фундирующей структуры любой модели «мира» [7, с. 3–5].

Одним из «первых», заметивших эту взаимосвязь, был М. Хайдеггер, определявший в рамках своего проекта фундаментальной онтологии субъекта – человека – в качестве «пастуха бытия» [13, с. 202], домом которого является язык [13, с. 192]. Другими словами, М. Хайдеггер указывает на существование своеобразного *двойного тождества* – тождества языка, бытия и мышления (возникающему, к слову, вследствие непреодолимого различия), благодаря которому становится возможным явление бытия, осуществляющееся в форме сказа [14, с. 311] – специфического хайдеггерианского термина, указывающего на единство актов явления и дискурсивной артикулированности – проговаривания бытия субъектом. Таким образом, хайдеггеровская тактика исследования бытия неизбежно осуществляется посредством аналитики человеческого существования – собственно в этом и заключается новаторство его фундаментальной онтологии. Похожую тактику исследования избрал для себя и Ж. Делёз, представляющий современную постметафизическую традицию философствования. На страницах своих работ он не раз указывает на то, что философия в сущности – это онтология, дискурс которой – это «крик Бытия» [3, с. 54]. В этом смысле Ж. Делёз, как и его предшественники, определяет в качестве центрального вопроса философии вопрос о бытии и его предназначении как Единого [10].

Столкнувшись, как и М. Хайдеггер, с триединством языка, мышления и бытия, Ж. Делёз назвал эту ситуацию складкой [3, с. 86], указывая, с одной стороны, на то, что онтологическая проблематика имеет сугубо антропологические «корни», поскольку складка, по мнению философа, – это субъект, соединяющий в себе бытие как внешнее и мышление как внутреннее, с другой – историчность данного концепта: делёзовская ревизия классического философского наследия показывает, что бытие далеко не всегда пребывает в состоянии складки. К примеру, Платон, по мнению философа, был одним из первых, кто «разгладил» складку бытия, тем самым отчасти спровоцировав одно из течений последующей западноевропейской мысли, сводящееся к призыву «низвержения платонизма». Возможно, что с Античности до наших дней под маской онтологии скрывается антропологическое лицо вопрошающей о бытии философии.

Таким образом, если философия – это, прежде всего, онтология, то ее основная задача заключается в том, чтобы «захватить» (читай: «захватить врасплох») и «запечатлеть» просвет бытия в его первичной явленности. Пусть и с неизбежным, как заметил бы Ж. Деррида, опозданием, благодаря которому мы всегда довольствуемся лишь «следом» – следом бытия, позволяющим нам реализовать нашу главную сверхцель: создать единое понятийное пространство, в котором обретают свое

место именования событий [2, с. 18]. Ведь событие, как говорил М. Мамардашвили, это и есть способ, посредством которого бытие (при-) открывает себя субъекту [9, с. 22]. Таким образом, философия – это одна (наряду с мистерией, трагедией, произведением искусства) из своеобразных символических форм, названная советским философом «человекообразующей машиной» [9, с. 17], задача которой заключается не в том, чтобы создать некоторую совокупность знаний о мире, а в том, чтобы на основе *восприятия* – восприятия мира, *ощущения* бытия – создать самого субъекта – воспринимающего (читай как «*пытающегося ухватить*») бытие человека. Значит, *ощущение* мира как бытия – это то, что предшествует разнообразным проявлением познавательного опыта – познавательной активности субъекта. Другими словами, ощущение бытия – это трансцендентальное условие как его «схватывания», так и познания вообще.

Но что представляет собой ощущение, помысленное в качестве фундаментальной онтогносеологической операции? Согласно Ж. Делёзу, ощущение – это нерастворимая смесь субъекта и объекта, бытие-в-мире, как говорят феноменологи: одновременно я *становлюсь* в ощущении и нечто *случается* через ощущение, одно через другое, одно в другом [4, с. 47]. Возможно, что именно благодаря ощущению, не обремененному в своей структуре никаким тождеством, а, напротив, представляющим собой чистое различие, субъект способен не только воспринимать и тем самым артикулировать мир бытия, но и подмечать его динамику, открывающую себя в неустрашимых предъизначальных (*дорефлексивных*) различениях мира.

Нам представляется, что приведенное решение проблемы поиска начала философии полностью обосновывает выбранную нами точку отсчета постановки и разработки вопроса о бытии как мифоархаический период развития человеческой культуры. Помимо этого, приведенное нами понимание философии может выступить методологическим принципом реконструкции предфилософских попыток постановки вопроса о бытии в культуре повседневного существования архаического общества и мифотворческом дискурсе древних. Такой взгляд на философию и ее назначение позволяет достаточно «просто» решить указанную выше дилемму соотношения Мифа и Логоса: являясь одной из человекообразующих символических форм, представляющих собой определенную модель мира, философия, в известном смысле укоренена, во-первых, в мифе, мистерии и ритуале; во-вторых, в религии, главным образом, религии личностного спасения. Таким образом, это «единство» различных по своей сути форм, сохраняющихся во всех исторических типах и формах культуры, позволяет нам сформулировать метафилософский смысл, или, говоря шире, трансцендентальный лейтмотив человеческой культуры – ее фундаментальную интенцию: есть бытие, через форму нас в себя вовле-

кающее, некоторое бытие более умное, чем мы, или умное бытие [9, с. 22–23], цель которого – вносить порядок в человека и в его мир [9, с. 24].

Значит, изначально мир всякий раз оказывается неупорядоченным, хаотичным. Таким образом, чисто логически, первая функция любой человекообразующей машины – символической формы – заключается в том, чтобы данный в ощущении мир упорядочить – *оформить*, представляя его в качестве некоего единства, целостности, одним словом, картины мира, то есть онтологии. Другими словами, ведущему вопросу антропологического знания, что есть сущность человека в *отношении* к окружающей его действительности [7, с. 3], всякий раз должен предшествовать вопрос об этой действительности самой по себе, то есть вопрос о бытии. Традиционно именно эти вопросы – вопрос о бытии и вопрос о человеке – со времен Сократа очерчивают предметное пространство философии.

Литература

1. Kirk G.S., Raven J., Schofield M. The Presocratics Philosophers: A Critical History with a Selection of Text. – Cambr., 1983.
2. Бадью А. Манифест философии. – 2-е изд., испр. – СПб., 2012. – 190 с.
3. Делёз Ж. Различие и повторение: пер. с фр. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с.
4. Делёз Ж. Фрэнсис Бэкон: Логика ощущения: пер. с фр. – СПб., 2011. – 176 с.
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия?: пер. с фр. – М.: Академ. проект, 2009. – 261 с.
6. Кессиди Ф.Х. От Мифа к Логосу (Становление греческой философии). – М.: Мысль, 1972. – 312 с.
7. Круглов В.Л. Человек эпохи «модерн»: антропология культуры как критика децентрированного разума: монография /ФГОУ ВПО КГАМиТ. – Красноярск, 2009. – 240 с.
8. Луотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна [Электронный ресурс] // <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3097/3108#contents>.
9. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. – СПб.: Азбука, 2014. – 256 с.
10. Наумов О.Д. «Постнеклассическая» метафизика Единого, или кто Вы, мистер Делёз? [Электронный ресурс] // <http://e-koncept.ru/2013/53177.htm>.
11. Ойзерман Т.И. Проблемы историко-философской науки. – М.: Мысль, 1982. – 403 с.
12. Семушкин А.В. У истоков европейской рациональности (Начало древнегреческой философии). – М.: Интерпракс, 1996. – 192 с.

13. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 192–221.
14. Хайдеггер М. Слово // Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 302–312.
15. Чанышев А.Н. Эгейская предфилософия. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 240 с.

УДК 177.8

Е.С. Сидоров

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЙ КОНФЛИКТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАПАДНОЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье исследуется специфика представлений о межпоколенческой конфликтности в отечественной и западной эстетической традиции, а также взаимосвязь данных представлений с динамикой социокультурной среды.

Ключевые слова: поколение, межпоколенческая конфликтность, конфликт поколений.

E.S. Sidorov

CONCEPTUALISATION OF THE INTERGENERATIONAL CON- FLICTNESS IN THE CONTEXT OF DOMESTIC AND WESTERN AESTHETIC TRADITION

In article specifics of ideas of an intergenerational conflictness in domestic and western esthetic tradition, and also interrelation of these representations with dynamics of the sociocultural environment are investigated.

Key words: generation, intergenerational conflict, conflict of generations

Понимание особенностей социальных взаимоотношений между поколениями является важнейшим аспектом для понимания общества как сложной развивающейся системы. В XX веке в рамках социогуманитарного знания появляется широкий спектр теорий, объясняющих проявление конфликтности в данных отношениях, самой популярной из которых стала фрейдомарксистская теория «конфликта поколений» как